

КАЗАЧИЙ ТОПОС В ТВОРЧЕСТВЕ НИКОЛАЯ КЕЛИНА

В статье дается оценка творчества писателя Николая Келина, представляющего первую волну русской эмиграции. Автор статьи, отмечая ту роль, которую играет «казачья» литература русского зарубежья в сохранении и укреплении лучших традиций российского казачества, указывает на то, что до сих пор произведения писателей-эмигрантов из числа казаков, признанные многими современными исследователями в России и за рубежом, так и не стали предметом глубокого исследования в отечественном литературоведении.

Ключевые слова: литература русского зарубежья, «казачья» литература, Николай Келин.

COSSACK TOPOS IN NICHOLAS KELIN'S WORKS

The article assesses the work of Nicholas Kelin, a writer, representing the first wave of Russian emigration. The author of the article, noting the role played by "Cossack" Russian emigré literature in the preservation and strengthening of the best traditions of the Russian Cossacks, indicates that still the works of emigrant Cossack writers, recognized by many modern scholars in Russia and abroad, has not been the subject of in-depth research in the domestic literature.

Keywords: Russian emigré literature, "Cossack" literature, Nicholas Kelin.

Творчество писателей русского зарубежья активно начинает исследоваться в русском литературоведении только в последние три десятилетия. В вузовских и даже школьных программах появляются спецкурсы, направленные на изучение произведений писателей-эмигрантов. Однако, проанализировав модули данных спецкурсов, можно убедиться, что представителей так называемой казачьей литературы в списках для чтения нет. Даже лучшие образцы лирики, признанные многими современными исследователями в нашей стране и за рубежом (Н.Н. Тuroверов, Н.А. Келин, М. Волкова, П.С. Поляков, А. Ачаир и др.), отсутствуют, либо упоминаются в обзорных главах [Соколов, 1991, Агеносов, 1998, Литература русского зарубежья, 2007, Литература русского зарубежья (1920–1990), 2012 и др.]. Связано это, на наш взгляд, с двумя моментами: во-первых, как справедливо отмечает В. Витковский, процесс «расказачивания» коснулся и литературы, превратившей казачью по-

эзию в едва ли не начисто «обрубленную ветвь русской литературы» (Витковский); с другой стороны, сами казаки пытались сохранить свою формирующуюся столетиями этнографическую, социально-психологическую и этнокультурную особость. Молодые казаки-литераторы в эмиграции создавали свои литературные издания: «Казачий путь», Прага; «Казачий сполох», Прага; «Казачьи ведомости», Берлин; «На казачьем посту», Берлин; «Наша станица», Белград; «Кавказский казак», Белград; «Станица», Париж; «Кубанец», Сербия; «Казачьи думы», София; «Зов казака», Харбин; «Голос казака», Харбин; «Казачья воля», Польша; «Казачий досуг», Италия; «Донская волна», США; «Донской вестник», США и др., творческие объединения («Семья молодых казачьих литераторов» в Праге, «Союз кубанских писателей и журналистов», куда входили авторы, жившие в Чехословакии, Франции, Югославии, Болгарии, Румынии, «Чураевка» в Харбине и др.).

Оказываясь в инокультурной среде Франции, Китая, Америки, казаки не ассимилировались с коренным населением, а создавали землячества,

¹ Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Московского государственного лингвистического университета.

© Ерофеева Е.А., 2017.

давая им традиционные названия станиц и хуторов. «Им удавалось селиться сельскохозяйственными общинами, сохраняя свою военную организацию и выборную иерархию на Балканах, в Чехословацкой Республике, в Западной Европе (на юге Франции) и в Южной Америке» [Раев 1994 : 47]. Эмигрантское население Харбина включало целые поселения сибирских казаков и староверов. Борис Уланов, описывая свое путешествие по США, побывал в казачьем хуторе в районе Глендора, где, купив землю, казаки создали «казачий хутор, да еще с собственной своей церковью и новым церковным домом для устройства церковных празднеств и собраний» [Уланов 1960 : 28].

«Казачий» пласт русской литературы, не освоенный и не введенный еще в достаточной мере в научный обиход, в том числе и по политическим мотивам, представляет собой важнейший материал, способствующий возрождению культурно-исторических ценностей казачьего менталитета. На Родину постепенно возвращаются произведения писателей и поэтов, в которых авторы обращались к исторической памяти казаков. Из диссертационных исследований, защищенных в последнее время и посвященных изучению творчества представителей казачьей литературы, необходимо отметить следующие работы: А.А. Забияко «Лирика «харбинской ноты»: культурное пространство, художественные концепты, версификационная поэтика» (2007); А.Г. Данилова. «Литературное наследие В.А. Смоленского: образно-эстетическая система лирики» (2010); М.С. Зайцева «Художественная концепция личности в историческом повествовании П. Краснова «от двуглавого орла к красному знамени» в контексте отечественного романа XX века» (2010); О.М. Овчинникова «Трансформация сакральных жанров в творчестве Е.Ю. Кузьминой-Караваевой» (2012); Е.С. Бирючева. «Творчество И.Д. Сазанова в контексте русской литературы конца XIX – начала XX веков» (2012); Н.А. Панишева «Поэтика пространства и времени в лирике Арсения Несмелова» (2013).

Исследовательница «харбинской беллетристики» А.А. Забияко отмечает, что наряду с такими признаками, как ориентация на широкий круг читателей, фактуальность сюжета и др., возникает новый тип автора – «писателями становятся бывший прапорщик, офицер, рядовой, красноармеец, комиссар, анархист...» [Забияко 2013: 33]. Это характерно и для казачьей литературы, так как в большинстве своем именно бывшие офицеры белого движения создают лучшие образцы лирики и художественной прозы.

Ярким представителем первой волны эмиграции, пережившим трагедию Гражданской войны, не вставшим на путь предательства своей Родины в годы Второй мировой войны, писателем, которому посчастливилось в конце жизни побывать в родных краях, был Николай Келин.

Николай Андреевич Келин родился в 1896 году в станице Клетской Усть-Медведицкого округа Области Войска Донского, в зажиточной казачьей семье. Воспитанием его занимался дед по матери – Иосиф Федорович Кузнецов, казак, всю жизнь тянувшийся к грамоте, за что получил однажды нагоняй от отца – дончака Федора Ивановича, которого правнук сравнит в своих воспоминаниях с Ильей Муромцем: «больше батяни захотел знать!» Но Иосиф Федорович, случайно попав в Петербург, выучился грамоте, принимал участие в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг., был с донской батареей под Плевной и Шипкой, вернулся на Дон, хотел отдать дочь за грамотного человека, пусть даже не казака, хотя по казачьим традициям только природный казак считался «полноценным человеком» [Келин 2009 : 272], а главное – он мечтал дать внуку высшее образование. Мечта его сбылась: уже в эмиграции Николай Келин стал доктором медицины и одним из лучших писателей казачьего зарубежья. Во многих его стихах присутствует образ деда: «Не этот жребий мне готовил / Мой покойный, заботливый дед...» [Келин 2009 : 194]. Сборник стихотворений, изданный в Праге в 1937 году, он посвятил Деду (именно так с большой буквы) и Дону.

Отец будущего поэта был, по определению Николая Келина, «песельником и весельчаком», предки отца пришли на Дон из Рязанской губернии, и Николаю Андреевичу «всегда было приятно сознавать, что оттуда вышли академик И.П. Павлов, Сергей Есенин, предки Шолохова» [Келин 2009 : 273].

Во время Первой мировой войны Николай Келин прервал обучение в Военно-медицинской академии и, пройдя срочные курсы в артиллерийском училище, добровольцем ушел на фронт. После Октябрьских событий он вернулся на Дон и участвовал в Белом движении в составе врангелевской армии. Осенью 1920 г. эвакуировался сначала в Константинополь, потом в Прагу, закончил медицинский факультет Карлова университета, стал работать сельским врачом в селе Желив (Чехия). Он был из тех патриотов, которые отвергли сотрудничество с фашистскими оккупантами в годы Второй мировой войны, оставаясь до конца верными своему Отечеству. В стихотворении «Родина» Николай Келин пи-

сал: «Ведь, Боже мой, светлее радуг мая / Во мне живёт святое слово Русь. / Я за неё согласен унижаться, / Прощать врагов и проклинать друзей – / Не побоюсь в Европе русским зваться / И не продам простор родных полей» [Келин 2009 : 179].

Творчество Н.А. Келина пока еще мало знакомо русским читателям. В 1996 году в Москве вышла книга автобиографической прозы «Казачья исповедь» (книга в 10 000 экземпляров сразу стала библиографической редкостью), в 2009 г. был опубликован в Ростове-на-Дону сборник «Ковыльный сказ».

Основная тема творчества Н.А. Келина заявлена самим автором в виде посвящения к книге стихов, выпущенной в 1939 году в Праге: «И эту книгу Дону посвящаю. Она тоже создавалась без всяких политических тенденций, отражая лишь своеобразный уклад казачьей жизни, казачьего края и казачьей души» [Келин 2009 : 133]. Главное кредо поэта отражено в этом предисловии – писать о родном крае и писать максимально объективно, не следуя политической конъюнктуре.

Таким образом, уже сам Николай Келин выделил основные мотивы своей поэзии и прозы:

- Казачья жизнь. Традиционно-бытовой уклад жизни казака, отразившийся в казачьей архитектуре, самобытности казачьей одежды, пищи, внутрисемейных и внутривидовых отношениях, которые были строго регламентированы, и др.

- Казачий край. Донское степное пространство как колыбель казачества.

- Казачья душа. Особый внутренний мир казака, выраженный через такие важные элементы, как Родина, молитва, песня, память, связь поколений.

В творчестве, пожалуй, всех писателей-донцов казачьего зарубежья эти мотивы являются определяющими. По сути, в литературе русского зарубежья сформировался особый литературный свертхтекст, который «включает в себя совокупность ландшафтных характеристик, образов природы, человека, его места в мире, общие категории пространства, времени, движения, а также особый склад мышления, своеобразии менталитета населения (края, провинции, территории)» [Галимова 2012 : 123]. Оказавшись вдали от Родины, писатели-казаки продолжали чувствовать кровную связь с ней. Только теперь Родина представлялась для каждого и географически, и духовно по-разному. Для Николая Келина малая Родина – донские, родимые края – неразрывно связана с Россией.

«Казачий» дискурс произведений Николая Келина включает в себя определенные «казачьи реалии»:

- Названия казачьих строений: «Закрыли и тучи и дымы / От нас белизну куреней...» [Келин 2009 : 147] (*курсив* в стихах *мой*. – Е.Е.).

- Названия элементов казачьего ландшафта: «Вон видишь?. За сизым туманом / Синее высокое курган...» [Келин 2009 : 151]; «Вспоминная шлях / Вдоль широкой сини / Голубого Дона» [Келин 2009 : 134].

- Названия традиционно казачьих растений: «И теперь вам пою / В аромат погружен / Полынка и степной чернобыли» [Келин 2009 : 22]; «Там в волне полынной, / В ковылевом море, / Омочив бы раны, / Бег остановить...» [Келин 2009 : 224].

- Названия казачьих атрибутов, оружия, должностей и др.: «Блеск азиатских полнолуний / На остриях казацких пик» [Келин 2009 : 145]; «Был страшен грозный гик мятущихся донцов, / Когда под шум знамен ходили наши лавы / Спасать ненужный хлам запуганных дворцов» [Келин 2009 : 154].

- Названия традиционной казачьей одежды и обуви: «Помирать за границей не хочется / Без любимых казачьих лампас...» [Келин 2009 : 158]; «Как странно и больно мне видеть / В жерелке и шляпе донца...» [Келин 2009 : 190].

- Наименования казачьей пищи: «Из погреба принесли огромный кувшин разведенного холодной водой портошного молока...» [Келин 2009 : 271].

В сферу казачьего дискурса попадают также антропонимы, связанные с историей и культурой Донского края: Пугачев, Разин, Булавин, Каледин, Богаевский, «Донской Бова – полковник Чернецов» и др. Особое место в стихах Николая Келина занимает имя Корнилова. Образ Корнилова встречается в «казачьем» дискурсе как эталонный героический образ воина, защитника земли Русской. Для многих боевых офицеров он стал кумиром. Н. Келин характеризует лидера Добровольческой армии, с одной стороны, как легендарную личность, с другой – как близкого и понятного «Бойца-командира, заветного друга / Идущего на смерть за них и Россию...» [Келин 2009 : 166].

В поэзии Николая Келина представлена оппозиция топосов в системе «свой»/«чужой»: Дон – Москва. К «своему» миру относится всё, что связано с истоками рождения, та малая географическая точка, которая дала жизнь роду: «Среди пахучих полынных степей с бесконечными шляхами, седыми курганами, покрытыми чабре-

цом да алыми шапочками татарника, затерялся небольшой казачий хуторок Майорский (родина деда. – Е.Е.)» [Келин 2009: 271]; с детством в станице Клетской, которое было безоблачным. Позже границы «своего мира» расширяются до пространства Донского края: «Родимый Край степей ковыльных, / Отважной вольницы оплот, / Гнездо мятежных, гордых, сильных / – Люблю тебя и твой народ!» [Келин 2009 : 153]. К «чужой сторонке» относится «московское» пространство. Москва представляет опасность, угрозу казачьему пространству «ласкового» Дона. «Не черные тучи над Салом, / Не ветер с родных Ергеней, / То гости московские валом / Шумят среди полынных степей» [Келин 2009 : 142]. Пространство Москвы наступает на казачье донское пространство, стремится поглотить его, погубить: «Москва не Мекка наших дум, / Наш шлях ее дороги режут...» [Келин 2009 : 150]. Москва в стихах Келина практически синонимом слову «большевизм», который сеял кровь на тихих станичных улицах и с которым надо было бороться беспощадно.

Иначе представлено пространство России. Амбивалентность образа России проявляется в том, что пространство России в разные моменты жизни лирического героя становится то «чужим», то «своим». Ср., например, следующие строки: «Как дикие орды Мамаю, / На Дон навалилася Русь» [Келин 2009 : 146], и «Не разлюбил тебя я, Русь, / Единственную в целом свете» [Келин 2009 : 163]. В автобиографической прозе он называет ее ласково «матушка-Россия» («Казачья исповедь»). Россия может быть названа пренебрежительно – Рассеей, когда она мешает казачьей вольнице: «Нам сам Степан под весел шум / На веки врыл зубовой скрежет / При звуке, злящем кровь, – мужик, / Рассея, баре, воеводы...» [Келин 2009 : 150]. Но в то же время «чужое» пространство находится за ее пределами, автор воспринимает ее как Родину, которая неидеальна, у которой много «причуд», но которую нужно спасать от чужого мира и которую нужно любить такой, какая она есть. В этом отношении стихотворение «Русь», написанное в январе 1928 года и не вошедшее в основные сборники стихов, можно назвать программным:

Не демоном с кровавыми глазами,
Не хищницей с тревогою в зрачках,
Не мачехой двухсот её племён
Люблю и представляю Русь...
Молюсь –

.....
Её полям благоуханным,
Спокойному величию небес;

Люблю широкий взмах российского крыла,
И крепкий русский дух дурманящей
махорки,

Медлительность движений и сноровки

И веру детскую в российское «авось» ...

[Келин 2009 : 219].

В годы эмиграции «свое» и «чужое» пространство совмещаются с иными координатами: «свое» – это «далекое», «чужое» – это «близкое» пространство, постепенно превращающееся в близкое не только в географическом плане. Вспоминая, как дед в детстве пытался рассказать ему о чужих странах, внук с горечью ему отвечает: «Ты так любил хвалить мне / Всё чужое, / Не зная нашего, совсем не зная, / Дед, / На нас глядело небо / Голубое, / А я тебе поддакивал / В ответ...// Всё тут не так, как думали / Мы оба...» [Келин 2009: 38]. Несмотря на тяжести и невзгоды, выпавшие в эмиграции на его долю, Николай Келин принимает Чехословакию как новую Родину, а неутоленную боль по старой Родине выплескивает в своих стихах. В его воспоминаниях она становится «земным раем», а строки о ней звучат как стихотворение в прозе: «Когда Создатель захотел увидеть, как выглядит земной рай, он бросил на необъятную землю пахучие полынные степи, искрещенные бесконечными шляхами и исполосованные терновыми балками, охраняемые седыми курганами, которые покрыты струящим степной ладан чабрецом и украшены алыми шапочками татарника» [Келин 2002 : 36].

Спустя 37 лет, в 1957 году, Николай Келин возвращается к родному Краю (в его стихах слово «Край» почти всегда писалось с большой буквы и обозначало именно донское пространство). Это будет встреча с юностью, с домом, с близкими. «Опустив через борт руку в священную для меня воду батюшки-Дона, пропускаю ее между пальцами, мочу разгоряченный лоб и пью ее, крестясь, как причастие. Старуха казачка, подавая мне эмалированную дорожную кружку, приговаривает: – Пейте, пейте донскую водицу – она сладкая, легкая... Из нашего кормильца-Дона...» [Келин 2009 : 375]. Но после этой поездки усиливается мотив усталости, понимания невозможности возвращения в свой дом, на свою Родину: «Как четки бус грядут года / Мечты былые отмечались / И, как под мельницей вода, / Шумит в душе моей усталость. / Знать недалек конец пути, / Не за горами тишь могилы...» [Келин 2009 : 237].

Исповедь донского казака Николая Келина заканчивается грустными и в то же время вселяющими надежду словами: «...Моя жизнь уже идет к концу. Уходя с любимой мною земли,

оставлю здесь только сумбурные воспоминания да терпкие песни о Родине. Годы ничего не изменили в моем отношении к ней, и я уйду с затаенной мечтой, что настанет время, когда на карте Европы снова загорится неугасимым пламенем дорогое для меня имя – Россия...» [Келин 2009 : 382].

Литература

1. Агеносов В.В. Литература Russkogo зарубежья : учебное пособие. – М. : Терра, 1998. – 543 с.
2. Витковский Е. Против энтропии (Статьи о литературе) // URL: <http://wikilivres.ca> (дата обращения: 27.11.2016).
3. Галимова Е.Ш. Специфика Северного текста русской литературы как локального сверхтекста / Е.Ш. Галимова // Вестник Северного (Арктического) федерального университета (Архангельск). Серия «Гуманитарные и социальные науки». – 2012. – № 1. – С. 121–129.
4. Забияко А.А. На проселочных дорогах русской литературы: казус харбинской беллетристики // Литература русского зарубежья. Восточная

ветвь. – Т. 1: Проза : в 3 частях. – Ч. 1 (А–К) / сост., общ.ред. А.А. Забияко, Г.В. Эфендиевой. – Благовещенск : Изд-во Амур. гос. ун-та, 2013. – С. 3–36.

5. Келин Н.А. Душа на Родине // Отчий край. – 2002. – № 2 (34). – С. 36.

6. Келин Н.А. Ковыльный сказ...: Стихи. Поэмы. Воспоминания. – Ростов-на-Дону, 2009. – 400 с.

7. Литература русского зарубежья (1920–1990) [Электронный ресурс] : учеб. пособие / под общ. ред. А.И. Смирновой. – 2-е изд., стер. – М. : Флинта, 2012. – 640 с.

8. Литература русского зарубежья : учеб.-метод. пособ. для студ.-филол. / Казан. гос. ун-т; Филол. фак.; Каф. рус. лит.; сост. Л.Х. Насрутдинова. – Казань : Казан. гос. ун-т, 2007. – 72 с.

9. Раев М. Россия за рубежом. История культуры русской эмиграции 1919–1939 / пер. с англ. – М. : Прогресс – Академия, 1994. – 296 с.

10. Соколов А.Г. Судьбы русской литературной эмиграции 1920-х годов. – М., 1991. – 184 с.

11. Уланов Б. На Запад // Родимый край. – 1960. – № 26. – С. 28.